

**Роман Карцев:
«Жванецкий
за кулисами
порывался
нас убить
или хотя
бы стулом
огреть».**

Испытание юмором

Наладчик-щекотунчик

В театральный поступал трижды – не брали. Говорили, что учить меня нечему: мол, жизнь всему и без них научит. Делать нечего – стал я мастерить обувь (жить на что-то надо!) Потом пошёл работать наладчиком швейных машин на фабрике. В моём цехе было 80 женщин – в основном из деревень. Работа адская, зарабатывали копейки, но такие были красавицы, что до сих пор каждую помню в лицо. Летом они изнемогали от жары и сидели в одних трусиках и лифчиках, не стесняясь меня. Я иногда их обливал водой, иногда щекотал... Некоторых защекотал совсем, и они мне уступали.

Очень приятные были романы – я впервые почувствовал себя мужчиной и понял, как здорово им быть! Потом, чтоб я не разложил окончательно заводских девушек, меня перебрали в театр "Парнас" играть трамвайного воира. Там же я познакомился с Колей Губенко, Витей Ильченко и Мишей Жванецким. Это знакомство предопределило мою дальнейшую жизнь. Мы стали работать вместе.

Однажды в Одессу приехал Райкин, и мне передали, что он хочет на меня посмотреть. Я разболтал эту новость Жванецкому – он сработал получше любого информационного агентства – вся Одесса узнала через полчаса, что меня-таки хочет видеть сам Райкин. Аркадий Исаакович предложил мне работать в Ленинграде с ним. Я чуть не допнул от гордости и в тот же день уволился из своего театра. Через месяц я уже вышел на сцену райкинского театра в Ленинграде.

Против Райкина и цензуры

Ильченко и Жванецкий переехали вслед за мной. Примечательно, что во

время нашей жизни в Питере Мишу постоянно мучил один и тот же вопрос: "Как бы поесть?" Он постоянно занимал у меня "десяточку" и бежал её проедать. Он объяснял мне, насытившись: "Ты понимаешь, мой друг, еда – это искусство! Что ж я могу с собой поделать, если конституция моего тела постоянно хочет есть!" Семь лет мы жили впроголодь под крылом Райкина; он нам помогал, он же нас и игнорировал. В конце концов мы повздорили с ним по поводу того, кто больше понимает в юморе – мы со Жванецким или он. Пришлось подать заявление об уходе из его театра.

Мы решили работать самостоятельно. На первых же гастрольях в Киеве должно было пройти 18 концертов, но их отменили: комиссия, предварительно посмотрев наш спектакль, забраковала его. Те вещи, над которыми плакала от смеха вся страна, у чиновников не вызвали ни единой улыбки. Потом Витя придумал оружие против них: он читал тексты Жванецкого с нелепыми ударами и дурацкими паузами в ненужных местах. Было не смешно, зато терялись острота и опасная по тем временам двусмысленность. Миша за кулисами порывался убить Ильченко или хотя бы пару раз стулом огреть... Постановки разрешили, а потом, когда мы читали тексты Жванецкого по правилам, зал умирал от хохота! Комиссия только руками разводила.

За рубеж – на "Суслове"

С Райкиным мы объездили кучу стран, зато после ухода от него стали невыездными. И вот однажды мы пошли в Центральный дом литераторов победать (естественно, по настоянию Миши), и одна дама предложила нам

поплавать по Средиземному морю в составе творческой группы. Мы сказали, что нас не пустят. Миша даже добавил на всякий случай, что нам и тут неплохо. Дама заявила, что берёт всё на себя. Действительно, нас выпустили.

Мы отплыли на теплоходе "Михаил Суслов". Я сказал Жванецкому: "Смотри, Миша, раньше Суслов на нас ездил, теперь мы на нём..." Тогда была борьба с пьянством. Выпивку нашей творческой интеллигенции не давали, а не пить она не могла. Поэтому перед самым отъездом мы встретились с нашим общим другом одесситом, занимавшим большую должность в морском пароходстве. Он разослал факсы по поводу нас во все порты, где мы должны были причаливать. Первый порт – в Греции. Наша группа, злая без выпивки, стала готовиться на экскурсию. Меня с Мишей с трапа вызвали в громкоговоритель, мы спустились, и нас двоих повезли на "мерседесах" в Афины. В посольстве СССР мы дали концерт; посол завёл нас в свой кабинет, где было полно "Метаксы", и сказал: "Ребята, берите столько, сколько сможете унести. У нас всё равно пить нельзя – сухой закон!" Мы вынесли по 10 бутылок. Вечером к нашей каюте образовалась стометровая очередь.

"Я стою, встревоженный, на досмотр таможенный"

В следующем порту уже весь теплоход нас провожал: нам желали успехов, большого счастья в личной жизни и скорейшего возвращения на теплоход. Так было все 2 недели нашего круиза. Приплыли в Турцию. Нас встретила миловидная женщина, повезла в турецкий магазин изделий из кожи и сказала: "Тот, кто о вас просил, нам дорог – берите, что хотите!" У нас на всю

поездку было всего 24 доллара. Мы очень благодарили нашу благотельницу. Миша выбрал себе кожаную куртку, я – лайковый костюм жене. На таможне в одесском порту, обливаясь потом, Жванецкий напялил на себя куртку. Таможенник завопил: "У вас не было куртки при отплытии!" Миша, не моргнув глазом: "Как это не было, она же в чемодане лежала!" Таможенник ко мне: мол, а вы что везёте? Я: "Вы лучше скажите, как это вышло: месяц дома не был, а "Черноморец" уже успел вылететь из высшей лиги!" Бедный таможенник чуть не расплакался: "Всё, иди отсюда, – не хочу я тебя видеть!" Так и съездили...

В джазе – только девушки!

И в личной жизни у меня тоже было весело. Когда я в Одессе работал на конференсе в симфоническом джазе, там было полно молоденьких музыкантов. Девочки-красавицы переоделись прямо за кулисами. Я возле них вертелся всё время – и однажды довертелся. Познакомился с Викой. Мне уже 27, а ей 17, я-то уже взрослый, а ей ещё ничего нельзя – несовершеннолетняя. Начались гастроли, совместные поездки, где мы и сблизились. Даже и не думали, что у нас что-то получится по-настоящему: у нее рост 170 (на каблуках 180), у меня же – 160 почти... Решили пожениться. Никто не верил, говорили, что разыгрываем. Вот уже 33 года разыгрываем... Расписывались с Викторией уже в Ленинграде. В ЗАГС опаздывали, наняли поливалку за трешку, чтоб она нас довезла. Свадьбу справляли у Жванецкого в однокомнатной квартире. Купили огромного гуся и нафаршировали его яблоками. Помню, как Витя впихивал гуся ногами в духовку, а гусь никак не влезал. Вике я подарил на свадьбу обручальное кольцо – это было царским подарком. У меня тогда был всего один костюм цвета морской волны, у жены – одна выходная кофточка. Зато романтика была какая!

Записал **Афанасий Борщов**

Фото в тексте и на обложке
В. Горячева

Справка «Алфавита»

Актёр Роман Карцев родился в 1939 году в Одессе. Настоящая фамилия – Кац (сменил по совету Аркадия Райкина). Окончил ГИТИС заочно. С 1962 по 1970 г. работал в Ленинграде в театре Аркадия Райкина. В 1970 г. организовал Одесский театр миниатюр. С 1981 г. перешёл в Московский театр миниатюр под управлением Михаила Жванецкого. Снимался в картинах "Небеса обетованные", "Пророчество", "Собачья сердце". Женат, имеет сына, дочь и двух внуков. Хобби – аквариум.

Вот он появляется на сцене – невысокий, деловитый, сосредоточенно-серьёзный. А зрители готовы смеяться до упаду. И так будет всегда – даже если Роман Карцев возьмётся пересказывать свою биографию.

Гольшом вокруг школы

В детстве я был неуправляемым, плохо себя вёл. Срывал уроки в школе, дразнил учителей. Папа лупил меня каждый день, лупил так нещадно, что я до сих пор помню эти порки. Он был профессиональным футболистом, потом стал судьёй. Однажды, в третьем классе, на меня что-то нашло: я надел его судейскую форму – трусы, майку, бутсы, набив их газетами, чтоб не сваливались с ног, и пошёл в таком прикиде в школу. По дороге ещё зачем-то свистел в свисток! Собралась вся Одесса – посмотреть на ненормального ребёнка. Должен сказать, что до 37 лет я весил 43 килограмма. Поэтому отцовские трусы на мне выглядели как свободные штаны, майка – плащом. Дошёл до школы уже с солидным шлейфом зевак. Там занятия прервались: все высыпали посмотреть на это чудо природы. Я же не переставал свистеть. То было моё первое успешное выступление.

Правда, гонорары не заставили себя долго ждать. Как на грех, в это же время папе нужно было идти на поле судить какой-то матч, он кинулся искать форму, не нашёл, догадался, в чём дело, и отправился в школу за мной. Там же при всех он сорвал с меня все одежды и голышом отправил домой. Я же был стеснительным до ужаса: прикрылся газеткой и побежал мимо школы, проклиная себя за дурацкие выходы.